

С. В. КИСЕЛЕВ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ СИБИРИ ПЕРИОДА МЕТАЛЛА

Районы Южной Сибири, и прежде всего Минусинская котловина, несмотря на сравнительно большую изученность в довоенные годы, в отношении раннеметаллических эпох представляли собой белое пятно.

За советский период здесь достигнуты успехи. Уже в 1921—1922 гг. экспедицией Томского университета близ с. Батени, у подножия Афанасьевской горы, были вскрыты грунтовые могилы, отмеченные на поверхности кольцевыми выкладками камней и оказавшиеся древнейшими погребениями эпохи бронзы в Минусинском крае (т. н. афанасьевский тип). Здесь же были получены дополнительные материалы в 1925 г.

В 1928 и 1932 гг. экспедициями РАНИОН и Исторического музея под моим руководством был исследован *афанасьевский* могильник близ ст. Тесь на р. Тубе. В 1929 г. мною же для Минусинского музея был раскопан афанасьевский могильник около с. Сыда на р. Сыде. Наконец, в 1930 г. Минусинским музеем аналогичный могильник был исследован около улуса Красный Яр под южным склоном Оглахтинских гор. Могилы под Афанасьевской горой на поверхности отмечены кольцом камней, все остальные — небольшими округлыми курганными насыпями с каменным кольцом. Могильные ямы встречаются иногда по две под одним кольцом. Погребения индивидуальные, парные, пары с ребенком, женщины с ребенком и коллективные, до 8 человек мужчин и женщин. Встречаются ярусные погребения. Наиболее часто труположение скорчено на боку. Однако постоянно встречаются и остатки трупосожжений.

В инвентаре афанасьевских могильников больше всего сосудов. Они круглодонны и имеют сферическую или яйцевидную форму (рис. 1). Последние вместе с вазочками-курильницами составляют наиболее характерную особенность. Большинство сосудов покрыто елочным орнаментом.

Кроме того, в могилах найдены костяные и кремневые стрелки, медные шилья, копьевидные и листовидные ножи, каменные песты, секиры и так называемые колотушки. В настоящее время выяснена их принадлежность к меднорудному делу. Из животных в афанасьевских погребениях встречены корова, овца, лошадь, коза. Анализ погребений позволяет утверждать наличие родового строя на той стадии, когда мужчина начинает приобретать главное значение, чему способствует устанавливаемое скотоводство.

Своеобразная «афанасьевская» культура на Енисее, на основании наличия некоторых типических предметов, встречающихся и в степях

Причерноморья (курильницы, цилиндрики, колотушки), а также на основании даты сменяющих ее андроновских памятников, может считаться синхронной ямно-катакомбным погребениям в Европейской части Союза (III—начало II тысячелетия до н. э.). Но последние открытия показали, что мы имеем здесь дело с обширным пластом культур раннескотоводческого населения наших степей, стадияльная целостность которого не менее ярка, чем индивидуальные особенности отдельных (племенных) районов.

В последние годы на Алтае, в Ойротии, открыты очень близкие к «афанасьевским» местные памятники той же эпохи (могильник в урочище Куюм около с. Элекмонар, исследованный в 1932 г. Ойротским музеем

Рис. 1. Глиняный сосуд Афанасьевской культуры III—II тысячелетия до н. э. Тесь, Минусинского района, курган № 10

Рис. 2. Фигурка человека (кость). Неолитическое погребение на Афонтовой горе

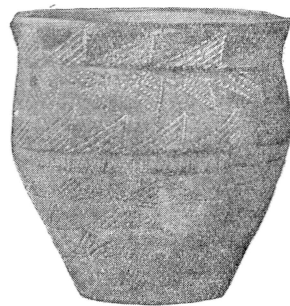

Рис. 3. Глиняный сосуд Андроновской культуры II тысячелетия до н. э. Усть-Ерба, Хакассия, могила № 2

и в 1936 г. Гос. Эрмитажем, и могильник около с. Курота на р. Урсуле, исследованный мною в 1937 г. К ним близки два кургана, исследованные на р. Ян-Улаган, и могила, найденная еще в 1927 г. у с. Онгудай).

Обряд погребения, формы сосудов, медных украшений и каменных орудий здесь весьма близки к афанасьевским. Исследованный же в Куюме культурный слой говорит о полусоседлой форме скотоводства «афанасьевцев» Алтая.

В Красноярске у Юдиной дачи недавно открыты погребения неолитического типа, соответствующие по времени афанасьевским (рис. 2).

К ним близки китайские и глазковские Прибайкалья и Ангары (см. статью А. П. Окладникова).

Еще в 1914 г. были сделаны первые находки андроновских погребений около с. Андроновой, Ачинского округа, но только в советский период они научно исследованы и освещено их значение. С тех пор уже во многих местах на Енисее найдены «андоновские» могильники.

Так же, как и афанасьевские, андроновские могилы отмечены на поверхности насыпями и всегда положенными по кругу или овалу камнями.

В пределах оградки одна или несколько могильных ям. В большинстве ям находились срубы и рамы из бревен, ящики из больших плит и цисты,

сделанные искусно выведенной кладкой. Покойники также скорчены. Попрежнему большинство погребений одиночных, до 25% парных. Как новост, позднее распространяющуюся, можно отметить объединение одной насыпью нескольких парных погребений.

В инвентаре погребений главное место занимают горшки, но уже плоскодонные, украшенные чеканным зубчатым орнаментом в виде полос, заштрихованных треугольников и меандров (рис. 3). Кроме того, встречены большие сосуды. Эта посуда не только весьма близка к западносибирским и казахстанским, но живо напоминает керамику срубных погребений Южного Поволжья и донецких степей. Кроме керамики, найдены куски шерстяной ткани от одежд и шапочек, бронзовые бусы, костяные стрелы, игольники. Встречены также кости коровы, овцы и лошади. Особо следует упомянуть отдельные погребения собак.

В северных предгорьях Алтая местные андроновские погребения у с. Клетикова и Красный Яр также следуют за местными афанасьевскими (сходно и положение в степях Причерноморья, где ямно-катакомбные погребения служат основой для столь близких к андроновским срубных).

Установленное М. П. Грязновым различие между минусинской и приалтайской, с одной стороны, и западноказахстанской орнаментацией андроновских сосудов—с другой, также подтверждается; несомненно на то, что орнамент состоит из тех же элементов, располагается он в иных сочетаниях и в иных зонах. У края венчика обычно располагается ряд заштрихованных треугольников, большей частью косых, весьма редких на западе.

В 1926 г. Казахская экспедиция Академии наук СССР исследовала в Орских степях по рр. Киргильде и Терекле свыше 20 андроновских могил, по конструкции и обряду близких к восточным. Парных погребений здесь оказалось немного больше половины, одно содержало 2 мужских костяка и остальные были одиночными (костяки также скорчены). По инвентарю эти могилы были значительно богаче восточных, исключая разве только семипалатинские Каменского. Наряду с горшками здесь найдено также немало бронзовых изделий: браслеты трубчатые и заканчивающиеся спиралью, боченовидные бусы, пронизки, очковидные привески, пластинки различных форм. Кроме того, встречены бусы из белой пасты.

Едва ли не самым значительным событием в западносибирской археологии явились открытия, сделанные экспедицией Исторического музея под руководством О. А. Граковой в окрестностях с. Алексеевского на р. Тоболе в Кустанайском районе.

Здесь вскрыты землянки андроновского поселения, синхронный им могильник и жертвенное место.

Выдержанно-андоновскими являются горшки из жертвенного места, представлявшего скопление сосудов, расставленных по дюне. Во многих из них оказались зерна пшеницы и других злаков. Особо выделяются корчагообразные сосуды с суженным горлом, украшенные выпуклыми бордюрами венчиков и жемчужника. Они имеют совсем особый, «киммерийско-галыштадтский» облик. Из инвентаря стоянки несомненно оседлого населения должны быть отмечены зернотерки, костяные мотыги, обломки коленчатых ножей карасукского облика, серп, кости домашних животных, игры из астрагалов и фаланг лошади, горняцкая колотушка, вроде найденных в афанасьевских погребениях, и другие предметы. Эти раскопки выяснили длительность бытования андроновских форм у населения западно-

сибирских степей. «Гальштадтовидные» сосуды, обилие спирального орнамента в бронзе, столь распространенного в предскифскую эпоху на нашем юге и на Кавказе, наличие медных наконечников стрел, уже весьма близких к архаическим скифским, наличие каменных чаш, столь характерных для скифского этапа Южного Приуралья, и ряд других признаков позволяют предполагать значительную молодость западно-казахстанских и приуральских андроновских памятников. Наличие в одном комплексе с ними коленчатых карасукских ножей подтверждает их сосуществование с карасукскими более восточных областей. Повидимому, хронологическим различием с восточноандроновскими памятниками объясняются и те особенности, которые отметил в керамике еще М. П. Грязнов в 1927 г., но которые он объяснял исключительно географически. Однако это не означает, что весь западноказахстанский «андроновский» комплекс в целом позднее восточного. Среди накопленных раскопочных материалов находятся и весьма близкие аналогии, особенно в керамическом материале, типично-минусинским «андроновским» памятникам. Это ставит проблему раннего «андроновского» этапа в Южном Приуралье, хронологически и стадияльно параллельного восточным.

Из приведенных фактов видно, что советские археологические экспедиции вскрыли в степной полосе Сибири еще один своеобразный культурный пласт. Он представляет культуру патриархальных родов, полуоседлое скотоводство которых дополняется земледелием в размерах более значительных, чем это можно предполагать для афанасьевского времени. Андроновский слой не однообразен на своем протяжении от Урала до Енисея. Наряду с разительными параллелями встречаются местные различия, отражающие обособленность родовых групп, из которых он сложился.

Значение андроновского слоя огромно. Его своеобразие, повидимому, будут объясняться и особенностями развития скифского времени. В связи с этим встает вопрос и об отношении андроновских памятников к срубным, может быть, также местным вариантам одного культурного пласта необозримых степных пространств Сибири и Причерноморья.

Систематическое изучение и научное определение карасукских памятников началось только после Октября.

В настоящее время карасукские могильники на Енисее исследованы экспедициями Русского музея около с. Батеней, улуса Откинского и улуса Чиркова в Хакасии, около сс. Новоселова Сарагаш и Анаш в Новоселовском и Абаканском районах. Минусинский музей раскапывал их около с. Быстрой, улуса Подкунинского и улуса Мохова. С. В. Киселев изучил их около с. Быстрой и в с. Кривой около Минусинска, в Теси и Усть-Теси на р. Тубе, в Сыде и Усть-Сыде на р. Сыде, в Чирковом улусе на р. Уйбате и около с. Усть-Ерба в Хакасии. Г. П. Сосновский копал их около улуса Орак. Усть-Ербинский и оракский могильники оказались в непосредственной близости от андроновских могил. Преимущество карасукских от андроновских памятников доказывается топографией, содержанием погребальных инвентарей (карасукские вещи вместе с андроновскими) и конструктивными особенностями могильных сооружений. Антропологические материалы, обработанные Г. Ф. Дебецом, местами также подтверждают эту связь. Карасукские могильники все состоят, в отличие от более древних, из десятков и даже сотен могил.

Карасукские могилы на Енисее обычно отмечены с поверхности квадратными каменными оградками, но некоторые могилы еще с кольцами из камней, подобно афанасьевским и андроновским.

Курганные насыпи над карасукскими могилами в Уйбате отмечали более содержательные погребения. Карасукский могильник в Усть-Сыде состоял из одного значительного кургана, окруженного плоскими оградками.

Все карасукские погребения содержатся в неглубоких четырехугольных ящиках, покрытых плитой. Лишь изредка мы встречаем их по несколько в одной оградке (главным образом, детские). Несколько раз встретились двойные ящики. В одном из них оказалась женщина, убитая и сброшенная в скорченном положении спиной вверх.

Из инвентаря следует отметить бронзовые ожерелья из трубчатых пронизок и пуговиц, украшения кос в виде лапчатых привесок, нагрудники из рядов бронзовых обоймочек, отделку обуви медными заклепками. Найдены также коленчатые ножи, датирующие большую серию минусинских, прибайкальских и центральноазиатских изделий. Кроме того, обнаружены иголки и шилья в костяных футлярах.

Глиняные сосуды—очень часто круглодонные, округлых форм, с небольшой шейкой. Они украшены черточками, полосками ямок, а также сложным геометрическим и меандровым орнаментом, который роднит их с андроновскими. Кости животных в карасукских могилах находятся часто (лошадь, корова, баран).

Находки в карасукских могилах позволили датировать большие серии предметов, особенно коленчатых ножей. Последние, помимо Минусинского края, распространены также на восток до Нерчинска, найдены в Монголии и в Ордосе. Они чрезвычайно близки к монетным ножам чжоусского Китая. Возможно их южное, сравнительно с Енисеем, первоначальное распространение. То же можно сказать и о выемчато-эфесовых кинжалах. Проникновение новых людей на Енисей в карасукское время отмечает и антропология.

Замечательные скульптуры животных на рукоятках карасукских ножей—лося, оленя, быка, барана—свидетельствуют о реалистическом начале, послужившем базой для стилизуемых тагарских скульптур. Однако в карасукское время наличествовала и символизация; каменные изваяния с высеченными личинами, ставившиеся в честь предков на родовых угодьях, редко отличаются реализмом (рис. 4).

Расценивая карасукские материалы с Енисея, приходится прежде всего отметить рост родовых групп, отраженный в росте могильников, яркое выявление семейных связей, еще более патриархальных, и вместе с тем усиление кочевничества, новый рост скотоводства. Характерно, что к этому времени относятся очень скудные культурные слои стоянок (Анаш, Сарагаш и др.), подчеркивающие подвижность населения. Это подтверждает и наличие изображения кочевнической кибитки впервые именно на карасукском изваянии.

Связь с карасукскими материалами тех находок сейминского типа вещей—кельтов, кинжалов и копий, которые сделаны были на Енисее и в Прибайкалье, и чжоусские параллели уточняют вопрос о хронологии «карасука»,—последние века II и начало I тысячелетия до н. э.

В Прибайкалье и Забайкалье к этому времени относятся «гробничные» могилы. Север, судя по слоям Усть-Собакинской стоянки около Красноярска, консервирует старые формы. В Западной Сибири и на Алтае к западу до Караганды обнаруживаются местные формы «карасука» (могильники около Бийска, с. Камышенки, Суртайского и Крас-

ного Яра; в Караганде на р. Гурубай-нура и рудники в районе Каменогорска и около Борового и «Степняка»).

Объединение всего сделанного по памятникам карасукского типа в самых различных районах Южной Сибири вскрывает сейчас новый обширный пласт, обрисовывающий свои особенности не менее четко, чем андроновский, послуживший для него основой. Где причины этой трансформации, и почему ее избежала вся западная часть «андрона», — вопрос, еще нуждающийся в расследовании. Пока лишь отметим, что если для запада, судя по материалам О. А. Граковой, время позднего «андрона» характеризуется ростом земледелия и оседлости, то для востока, для минусинского, например, «карасука», характерным является, наоборот, переход к широкому овцеводству, усиление кочевания.

Эта ли перемена является основой для карасукской трансформации (и не осложнялась ли она внешними причинами, о которых говорят карасукская бронза в Северном Китае и антропологические данные), разрешат дальнейшие исследования.

Большие и маленькие курганы с четырехугольной оградкой из плит и высокими камнями по углам, а иногда и по сторонам ограды, являются в Минусинских степях господствующими памятниками следующей, тагарской эпохи. Они раскапывались во многих местах (свыше 200 курганов с более чем 600 погребений). Экспедиция Томского университета еще в 1921—1922 гг. исследовала тагарские курганы около сс. Алешина, Копьева и Бузунова. Затем экспедиции Русского музея раскапывали систематически различные типы этих памятников до 1929 г. в окрестностях с. Батени, около с. Лепешкиной, с. Сарагаш и по Нижнему Уйбату. Изучая в это же время район улуса Орак в Ужурском районе, Г. П. Сосновский исследовал несколько тагарских насыпей. Экспедиция Ачинского и Красноярского музеев раскопала около с. Ужур ряд тагарских курганов и исследовала позднее тагарский курган около Военного городка в Красноярском районе. С. В. Киселев в 1928 и 1932 гг. исследовал тагар-

Рис. 4. Каменное изваяние. Карасукская культура 11—1 тысячелетия до н. э. Уйбатский Чаа-тас, Хакассия

ские могильники около с. Кривой, Теси и заимки Усть-Тесь в Минусинском районе. В 1929 г. он же раскапывал около с. Быстрой под Минусинском и возле сс. Сыда и Усть-Сыда в Абаканском районе. В 1931 г. аналогичные работы производились в окрестностях с. Усть-Ерба, Баградского района.

В 1930 г. экспедиция Общества изучения Сибири исследовала тагарские курганы около улуса Откинського, улуса Мохова и с. Быстрой. Наконец, в 1935 г. при раскопках в районе Копчальского баритового рудника был зарегистрирован единственный пока случай тагарского погребения под каменным курганом.

Непосредственную связь тагарских памятников с предшествующими карасукскими мы видим не только в переживании в «тагаре» ряда карасукских особенностей—квадратности оградок, дополнительных оградок, каменных ящиков, оформления бронзовых предметов (особенно оружия), но и в частичном сосуществовании старых форм с новыми. Этот факт нам удалось обнаружить около Теси, где в 1932 г. в типично карасукской могиле мы вместе с архаическими вещами встретили тагарские плоскодонные сосуды.

Древнейшие тагарские курганы невысоки, овальные в плане, невелики по площади; на них четырехугольная оградка с камнями по углам и редко по середине сторон. Встречаются дополнительные оградки. На камнях местами наносились изображения животных, особенно оленя, людей, всадников, различные знаки—тамги и т. п.

Под насыпями в покрытых плитами ямах стоят срубы, реже встречаются ящики. Обычны две или три ямы для взрослых, в которых по строгому порядку лежат мужчины и одна или две женщины. Изредка встречаются и парные погребения в одной яме, даже при наличии под тем же курганом других одиночных или парных захоронений. Кроме того, почти в каждом кургане имеются детские погребения в маленьких ящичках. «Семейность» ритуала, выступавшая и в карасукских могилах, находит здесь яркое выражение.

Все покойники лежат теперь вытянуто. В головах у них большие баночные плоскодонные сосуды. В ногах остатки жертвенного лошадиного или бараньего мяса с ножом и вилкой-шилом. Покойники богато украшались бляшками, рубчатыми пронизками, медными и пастовыми бусами, бронзовыми коническими серьгами и круглыми зеркалами, костяными гребнями с изображением зверей, привесками и пуговицами с изображением головы лося или коня, фигурами барана или свернувшегося зверя. Все мужчины, а иногда и женщины, лежали с боевым клевцом, совершенно схожим с ананьинскими, с кинжалом, напоминающим скифские, или с топором, иногда украшенным фигуркой зверя весьма архаического, если равняться по шкале скифского искусства, стиля; постоянны также в значительном числе наконечники стрел, костяные и бронзовые, древнескифских форм. Эти курганы мы датируем на основании параллелей с Ананьиным и скифскими памятниками VII—У вв. до н. э. Они представляют собой семейные усыпальницы населения оседлого, владевшего вершинами мастерства обработки бронзы, занимавшегося скотоводством и земледелием. О последнем говорит не только исследованная нами сложная оросительная система этого времени в долинах рр. Ербы и Теси, но и находки большого количества бронзовых серпов, частично, в могилах у женщин. Повидимому, новое поливное земледелие смогло конкурировать с усилившимся было скотоводством. Никаких признаков нарушения ста-

рого родового уклада не отмечают древнетагарские курганы. Лишь встречающиеся в курганах какие-то бедные боковые погребения, часто ориентированные иначе, чем основные, позволяют и здесь, при явном господстве отцовских форм рода, предполагать наличие несвободного слоя—патриархального рабства.

Следующая стадия, V—IV вв., характеризуется двойственностью форм погребений. С одной стороны, еще сохраняются старые формы, с другой—появляется новый обычай захоронения в одной большой камере нескольких человек (членов одной большой семьи).

Третья тагарская стадия, конец которой падает на время, близкое к началу н. э., характеризуется господством новых погребальных форм. Огромные и небольшие курганы содержат обширные бревенчатые камеры, одетые в берестяную обкладку, в которой сложены останки людей в очень большом количестве (до 150 человек). Часто встречается и трупосожжение. В инвентаре миниатюрные изображения заменяют почти все полагаемые вещи. Они делаются небрежно и дают лишь отдаленное представление о натуре. Впервые встречаются в это время изделия из железа (судя по случайным находкам, железо применялось и в предшествующей стадии). Звериный орнамент приобретает большую вычурность. Входит в обычай орнаментация листовым золотом, которым отделяются ткани, медные и даже глиняные бляшки. В некоторых погребениях этого времени встречаются и первые погребальные маски из гипсовидной самсы.

Тагарские поселения изображены на писаницах хребта Бояры около с. Копены. Здесь видны ряды бревенчатых домов, крытых соломой, с очагом внутри. На окраине одного «порядка» стоит войлочная колоколовидная юрта. Вокруг бродят стада и дикие копытные. Около домов люди в малицеобразных костюмах. Стоят «скифские» котлы и пр.

Невдалеке от Бояр в долине р. Ербы мы исследовали общинное укрепление. Оно окружено рвом и валом, но при значительной площади имеет скудный культурный слой, служа, повидимому, лишь временным убежищем на время опасности.

В материалах по тагарской эпохе очевидны нарушения прежнего родового единства (богатство отдельных погребений, различие размеров курганов, всевозможные знаки власти, знаки частного владения—инструменты для клеймения скота). Противопоставление родового поселения и замковища тоже указывает на ослабление старой общественой системы. Тагарское население, по археологическим и антропологическим данным, вполне автохтонно. Оно самостоятельно достигло замечательных результатов в бронзолитейном деле. На основе искусства карасукской эпохи тагарские мастера создали прекрасные образцы знаменитого сибирского звериного стиля.

Земледельческая культура для этой эпохи отмечена и в Красноярском районе. Исследования на Усть-Собакинской стоянке около Красноярска показывают, что, сохраняя в основном тот же быт, который рисуют нам материалы нижних слоев, ее население в тагарскую эпоху уже знало земледелие. Ближайшие аналогии тагарским памятникам доставили советские экспедиции 1927 и 1928 гг. в Танну-Тувинскую народную республику. Там, в окрестностях с. Туран и на урочище Улук-Ковы на Кемчике, были раскопаны курганы, содержавшие древнетагарские бронзы с прекрасной звериной орнаментацией. Аналогичные погребения мы исследовали в 1937 г. у с. Туяхта на Алтае.

Стоянки около с. Большереченского и на Чудацкой горе, курганы у с. Красный Яр и Березовки (р. Обь) дали бытовой материал, также во многом аналогичный тагарскому (баночные сосуды с жемчужником, ножи, кинжалы, наконечники стрел, удила) (рис. 5).

Культура позднетагарского облика также имеет параллели на Алтае. В 1929 г. были найдены небольшие каменные насыпи у склона возвышенности, на которой цепочкой протянулись знаменитые пазырыкские курганы около с. Улаган, Улаганского аймака, Ойротия. В погребениях оказались бронзовые миниатюрные изображения кинжалов и другого оружия, типичные для конца второй—начала третьей тагарской стадии.;

В Северном Казахстане эпоха, соответствующая тагарскому времени, еще мало изучена. Старые раскопки, например Кастанье, подтверждали известия греческих писателей о том, что Среднеазиатские степи были заняты племенами, скифскими по культуре.

В последних раскопках Карагандинской экспедицией ГАИМК были обнаружены погребения, относящиеся, повидимому, к этой эпохе.

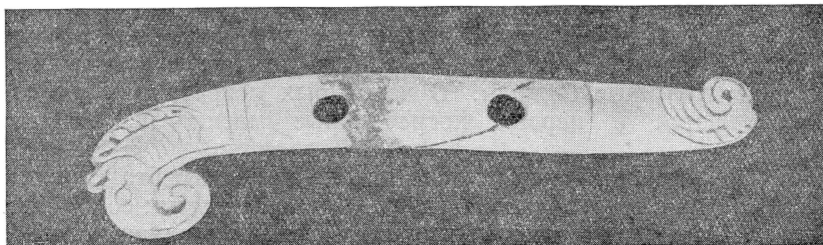

Рис. 5. Костяной псалий. Красный Яр, около Бийска. Курган IV—III вв. до н. э.

Время последних веков до н. э. представлено в казахстанских степях погребениями, близкими знаменитым Прохоровским III—I вв. Они характеризуются подкурганскими захоронениями, вытянутым положением покойников в глубоких ямах. Предметы звериного стиля здесь попадаются уже весьма редко в чисто орнаментальных формах. Характерны железные кинжалы и длинные мечи с рогатым навершием и прямым перекрестием. Стрелы—бронзовые, узкие, трехгранные; попадаются вместе с ними и железные. Часто встречаются круглодонные грушевидные сосуды. Нашивные золотые бляшки геометрических форм становятся весьма распространенными. После Октября подобные погребения, обычно называемые сарматскими, были открыты в Западном Казахстане на р. Терекле, в урочище Урал-Сарай. К ним примыкают погребения, раскопанные в 1927 г. на Орском тракте около поселка Нежинского. Позднейшим их вариантом (первых веков н. э.) являются погребения в катакомбах. Исследованные в окрестностях Оренбурга на левом берегу р. Урала в 1928 и 1929 гг. могильники содержали костяки с искусственной деформацией черепов. У находимых в них оружия, сбруи, керамики и украшений много сходства с предметами инвентаря кубанских сарматов.

Курганы сарматского типа были исследованы и на территории совхоза «Гигант» в Караганде экспедицией ГАИМК в 1933 г.

В 1936 г. курган этого же типа был исследован экспедицией ГАИМК на 14-м километре новой линии Орск—Аккермановка.

В 1926—1927 гг. около с. Мыс, близ Тюмени, на территории более древней стоянки были раскопаны 9 земляных курганов. При покойниках оказались горшки грушевидной формы, часто круглодонные, украшенные резным орнаментом в виде линий, лесенок и арок. Найдена глиняная тарелка с геометрическим орнаментом, пряслица, оселок, крючок от колчана и медные наконечники стрел, трехгранные, с невыступающей втулкой, особенно распространенные с III в. до н. э.

Мысовским аналогичны курганы, раскапывавшиеся в 1926 и 1927 гг. в Омском и Барабинском округах Омским музеем.

На восточной окраине Западносибирских степей советские экспедиции обнаружили памятники, весьма близкие к только что описанным сарматского типа.

Бийский музей исследовал их в самом городе Бийске, около с. Сростки и в большом числе около с. Быстрянского. Земляные курганы здесь весьма бедны — содержат лишь грушевидные сосуды с высокой шейкой, украшенной накладным орнаментом с нарезкой. Курганы же, одетые в каменную обкладку, дали ту же керамику, что и бедные, но с нею золотые украшения (например эсвидные серьги), геометрических форм нашивные листки, остатки железных предметов с золотой инкрустацией. Им соответствуют на Алтае большие каменные курганы.

В 1927 г. М. П. Грязнов раскопал большой каменный курган (диаметром 45 м, высотой 2 м) в урочище Шибе на р. Урсуле.

В 1929 г. им же был раскопан каменный курган еще больших размеров (диаметром 50 м) в урочище Пазырык близ Улаганского аймака.

Под обоими курганами оказались обширные могильные ямы (7×7×7 м), половину которых занимала погребальная камера в виде парного, вставленного один в другой сруба из тесаных бревен, с двумя потолками и досчатым полом. Выяснено, что покойники («хан» в Шибе был даже мумифицирован) лежали в приспособленных для переноски саркофагах, выдолбленных из огромных обрубков дерева. Саркофаг в Пазырыке был оклеен корой молодой березки и вырезанными из кожи фигурами птиц. Стены внутри камеры были завешаны войлочными коврами, украшенными каймой из разноцветных кусочков войлока, с изображением головы тигра в профиль. Оба кургана оказались сильно ограбленными. Поэтому в камерах были собраны лишь случайно уцелевшие вещи. В Шибе в камере было найдено большое количество тонких золотых нашивных пуговок и бляшек сарматского типа от одежд, различные фигурки, вырезанные из листочков золота и иногда раскрашенные красной и черной краской обломки железных предметов с золотой инкрустацией, набор раскрашенных украшений из рога лося и китайские лаковые чашечки, датированные проф. Умехара между 86 и 48 гг. до н. э. Но наибольшее богатство в обоих курганах было обнаружено в уцелевшей от грабежа северной половине ямы, вне погребальной камеры. Там лежали лошади. В Пазырыке, благодаря образовавшейся под курганом вечной мерзлоте, лошади сохранились целиком, в шкуре, и со всеми принадлежностями богато украшенной сбруи. Эти украшения все вырезаны из дерева и покрыты тонкими серебряными и золотыми листками. Они изображают фигуры зверей и маски людей в скифо-сибирском стиле (рис. 6). Подобные же изображения, составляющие целые сцены борьбы хищника с оленем или архаром, выполненные аппликацией из войлока и кожи, украшают мягкие седла, найденные на лошадях. Особо следует отметить находку лошадиных масок. Одна из них изображает крылатого грифона, весьма напоминающего грифонов

Аму-Дарьинского клада и древнекитайских ханьской эпохи. Он борется с хищником, распластавшимся по морде коня. Для другой лошади назначались искусственные оленьи рога, как бы превращавшие лошадь в оленя, и так же распластавшийся по морде хищник, пожирающий лошадь-оленя. Все эти вещи неизмеримо расширили представление о скифо-сибирском искусстве, показав на бесчисленных образцах торевтики искусство Алтая в III — I вв. до н. э.

Рис. 6. Деревянный резной псалий. Пазырык, Ойротия. Курган пленного вождя III—II вв. до н. э.

Из других предметов, найденных в том же Пазырыкском кургане, следует упомянуть щит, схожий со скифскими, обломки деревянных ложек, ярмо для запряжки двух животных, брошенную грабителями глаголевидную рукоятку от топора-кельта, мешок с зерном, привязанный к седлу.

Близкое к только что описанному погребение было вскрыто в 1934 г. около с. Каракол на р. Урсуле. Под каменным курганом, на глубине 5 м, здесь было обнаружено погребение старика и молодой женщины с тремя лошадьми, положенными в северной части могилы. Женщина была покрыта пеленою красного шелка, сплошь зашитого кольцевидными и квадратными золотыми бляшками. На ее шее была вызолоченная гривна, украшенная на концах головками барса. Здесь же оказались золотые серьги, сходные с находившимися в Быстрянских курганах. В головах стоял ларец с золотым убором, зеркалом и головной булавкой. На ларце стояла каменная курильница.

Близкие к этому курганы были раскопаны в 1935 г. в Курайской степи и около с. Туяхта и в 1937 г. около с. Курота на р. Урсуле.

Наряду с такими пышными погребениями на Алтае мы встретили и рядовые могильники, лишенные роскоши, вроде вскрытых на дворе Каракольской МТС.

Близкие к алтайским курганам, заслуженно пользующиеся уже мировой известностью погребения исследованы в урочище Ноин Ула в Северной Монголии советской экспедицией под руководством П. К. Козлова. Их оставили шаньюи и знать хунну. Всего было раскопано 7 больших земляных курганов и несколько малых.

Под большими курганами оказались обширные могильные ямы глубиной до 7 м. В них вел длинный дромос. В каждой яме стояла двойная (как и в Шибе и Пазырыке) погребальная камера, изнутри задрапированная материями. Саркофаг здесь был сделан из досок. Под саркофагом наиболее богатого кургана № 6 был разостлан ковер, украшенный аппликациями, изображающими борьбу лося с грифоном, яка с хищником и стилизованные растения (рис. 7). Очень хорошо сохранились погребальные флаги цилиндрической формы, напоминающие современные буддийские флаги «джансан». Удалось достать различные части одежды, шелковый халат, шаровары, шапочку и пр.

Замечательны лаковые чашечки и столики ханьского времени. На одной чашечке сохранилась надпись 2 г. до н. э. Из бытовых вещей следует отметить китайские зонты, части колесниц, уздечные наборы с удилами скифского типа, бронзовые котлы гуннских форм, большие корчагообразные сосуды, сходные с пазырыкскими.

Наряду с привозными китайскими и западными изделиями в ноинулинских курганах четко виден местный комплекс, богатый звериной орнаментацией и столь родственной алтайским находкам.

Рис. 7. Деталь ковра из кургана № 6, Ноин Ула, Сев. Монголия.
I в. до н. э.

Прекрасная коллекция северокитайских бронз, собранная Лу и недавно полностью изданная А. Сальмони, позволяет распространять аналогии нашим находкам на всю Монголию и Ордос. Мы видим, как широка была область, в которой создавались шедевры искусства Центрально-азиатских степей, подчеркивавшего силу и богатство степной аристократии.

Минусинский край в описываемую эпоху не являлся исключением в отношении общности степной культуры.

Наши исследования 1936 г. на Уйбатском Чаа-гасе обнаружили погребения, позволяющие со всей ответственностью делать подобные утверждения (см. нашу статью в № 1 «В. Д. И.»).

Если ряд вещей позволяет видеть в этих погребениях прямое продолжение культуры позднетагарских курганов, то керамика, маски (рис. 8) формы ковшевидных сосудов и пр. соединяют их с так называемыми таштыкскими могилами, открытыми впервые в оглахтинском могильнике, где были найдены китайские ткани ханьской эпохи. Различие с оглахтинскими лишь в обряде погребения: там—в большинстве случаев индивидуальные, в небольших срубках, здесь—коллективные, до 60 человек, в сложном подземном доме 9×9 м. Найденная нами художественная резьба настолько близка к ряду алтайских находок, что ясно устанавливает близость Минусинской котловины в отношении эволюции звериного стиля к окружающим ее областям.

От первых веков н. э. обнаружены интереснейшие памятники в северной части Сибири. Еще до революции к северу от ж. д. Ачинск—Красноярск был найден так называемый Ишимский клад. В 1926—1927 гг. совершенно аналогичная по составу находка была сделана в Нарымском крае на горе Кулайка. Вместе с ажурными, грубого литья фигурками животных были найдены некоторые предметы тагарского и таштыкского типа, позволяющие относить эту северосибирскую культуру, сближая ее также с памятниками типа Гляденово, к началу н. э.

Рис. 8. Погребальная маска Усть-Тесь, Минусинского района. Таштыкская культура, около начала н. э.

В последнее время особый вариант этой культуры, но, повидимому, относящийся к более позднему времени, был обнаружен в 1935 г. экспедицией ИАЭ в Салегарде. Здесь на жертвенном мольбище были открыты костяные предметы, украшенные сценами борьбы хищной птицы с травоядным лосем, оленем и другими мотивами, характерными для скифо-сибирского звериного стиля, продержавшегося на севере гораздо дольше.

Могильники эпохи орхонского письма, так называемые Чаа-тас, в Минусинском крае раскапывались еще до революции. Однако вследствие низкого уровня методических приемов их не поняли.

За последнее время они изучены в значительном числе.

Могильники Чаа-тас состоят или из маленьких каменных курганчиков или из больших каменных курганов, собранных в цепочки, тянущиеся с севера на юг. Большие обставлены высокими камнями, содержащими иногда орхоно-енисейские надписи.

В маленьких курганчиках погребения по ритуалу близки познеташтыкским, которые они, повидимому, и продолжают.

Большие курганы частью одновременны, частью позднее малых. Покойники в них сопровождалась богатым инвентарем. Найдены железные стрелы, стремена, удила, уздечные наборы, типичные для VI—VII вв. н. э. В одном из уйбатских курганов оказалась серебряная кружка с орхонской надписью на дне. Керамический материал аналогичен найденным в маленьких курганчиках.

К востоку от больших курганов встречаются каменные кольца. Под кольцами находили бедные погребения, может быть, рабов тех, кто похоронен среди высокопарных древнетюркских эпитафий.

В настоящее время общепринято считать описанные памятники кыргызскими (хягясскими, по китайским летописям).

Одиноко пока стоят три погребения, открытые в 1929 г. на Часовой горе, под Красноярском. В деревянных камерах из досок лежали там одиночные скелеты с богатым погребальным инвентарем: серебряные кубковидные сосуды, железные наконечники стрел, золотые серьги, седло с серебряными накладками (XII—XIV вв.).

Весьма близкую к описанной на Енисее картину представляют нам раскопки в соседних областях.

Так, в Бурят-Монгольской республике Г. П. Сосновский раскопал на р. Селенге ряд могил, давших весьма близкий к кыргызскому материал VIII—X вв. (Ильмова падь, Суентуй, Тонхарь).

Археологические изыскания советской экспедиции 1925 г. в Монголии на р. Толе также выявили погребения, весьма сходные по инвентарю с минусинскими Чаа-тас. Советская археологическая экспедиция в Танну-Тувинской республике открыла погребения VI—VIII вв. в ряде мест (около с. Атамановка на р. Элегеш, у с. Щеки, у с. Успенского, у с. Рыбного, на урочище Улук Ковы, у г. Байтах, у с. Туран и др.). Они содержат вещи, весьма близкие к обнаруженным на Чаа-тасе.

Алтай дал за советский период очень большой материал по погребениям периода орхонского письма.

Во время работ Саяно-алтайской археологической экспедиции ГАИМК и ГИМ в 1935 г. около с. Курай и около с. Туехта в Ойротии было раскопано по несколько курганов, содержащих весьма близкие друг другу погребения. В обширных могилах в колодах лежали покойники, одетые в богатые шелковые и шерстяные одежды и снабженные отделанным костью луком и берестяным колчаном со свистящими стрелами.

Кроме того, при покойниках или в отдельных тайничках найдены богато украшенные серебряными бляхами и пряжками пояса и уздечки, костяные рукоятки плетей, украшенные звериным орнаментом, ножи, вилки и серебряные кувшины. На дне последних, а также на концевой бляхе одного из поясов оказались орхоно-енисейские надписи, говорящие о принадлежности этих вещей окружению ханов и шадов VI—VIII вв. За небольшим забором из кольев в северной части могилы были положены два-три коня. Один из них во всех случаях был в полном сбруйном уборе с седлом на спине.

К этим курганам примыкает на Алтае большая группа каменных курганчиков с погребениями мужчин и женщин в сопровождении коня (до X в.). Подобные погребения были исследованы близ урочища Кудыргэ, на Чулышмане в Курайской степи около с. Туехта.

Из отдельных находок в курганах Кудыргэ отметим камень с выгравированными на нем заседланными конями, которых держат воины, ставшие на колени перед сидящей женщиной и ребенком в богатых одеждах. Сзади коней большое изображение лица усатого мужчины. Не есть ли это наглядное изображение уже классовых отношений, существовавших у алтайских племен и отраженных в различных типах погребений и терминологии степной аристократии орхонского образца? Благополучие этой аристократии покоилось на людях, подобных насильственно положенным в богатых курганах вместе со своим господином. Невольей, рабством веет от этих блестящих памятников.

Замечательно, что земледелие в эту эпоху очень широко применялось на Алтае, о чем говорят обширные оросительные сооружения и находка в одном из курганов Курайской степи вращающихся жерновов.

Исследования последних лет установили принадлежность к этому периоду и многочисленных каменных изваяний Алтая, изображающих усатую фигуру, держащую кувшинчик.

В степных предгорьях Алтая близки к описанным кочевнические погребения, вскрытые рядом исследователей в 1925—1930 гг. около с. Сростки близ г. Бийска. Их различия не только местного, но и хронологического порядка—ряд погребений здесь может быть отнесен к IX—X вв.

Весьма близки к сросткинскому два могильника, исследованные на р. Ине, в б. Кузнецком округе.

Исследования памятников послесарматского времени в Западной Сибири и Северном Казахстане пока еще явно недостаточны. Несмотря на то, что здесь вполне возможны находки вроде сделанной близ Щучьего и Акмолинска, когда в женской могиле с конем были открыты прекрасные вещи т. н. «готского» стиля и позднее римское стекло IV в., несмотря на особую важность этого района для решения вопросов истории кочевников, прямо связывающейся с историей казахов, внимание на соответствующих памятниках не сосредоточено. Можно отметить лишь отдельные находки.

Северные области Зап. и Вост. Сибири дали исследования городищ (Вознесенское под Омском XIII—XIV вв., Ермолаевское и Лодейское под Красноярском и Ачинское V—X вв.). В Прибайкалье и на Селенге к этому времени относятся городища, стоянки и могильники так называемой Курумчинской культуры, знаменитой высоким уровнем обработки железа, знанием даже чугуна.

Проделанная советскими археологами работа выдвигает ряд вопросов по древнейшей истории народов Сибири и дает возможность наметить некоторые линии их исторического развития.

В дореволюционной литературе о народах Сибири безраздельно господствовало мнение, что так называемые «инородцы» все находятся на стадии родового строя. Этим ряд классовых обществ включался в родовое общество и подрывалось учение о первобытном коммунизме. История народов не изучалась. Археологические открытия советских десятилетий перевернули представление об исконной отсталости населения Северной Азии и застойности его быта.

В настоящее время установлено, что в наиболее передовых степных районах Сибири еще в конце III тысячелетия до н. э. первобытные племена стали усиленно разводить скот и, повидимому, в связи с этим их родовой строй стал приобретать все более патриархальный характер. В так называемую Андроновскую и в Карасукскую эпохи племена различных районов Сибири строили свою жизнь по-разному. Одни решительно переходили к земледельческой культуре и становились почти оседлыми, как то имело место в Зап. Казахстане. Другие, на Среднем Енисее и, повидимому, на Алтае и в Восточном Казахстане, не сторонясь совершенно земледелия, сильно интенсифицировали скотоводство, переходя к системе кибиточного кочевания. Отсюда своеобразие быта каждого района, местами, особенно в Казахстане, осложненное своеобразием отношений в пунктах выработки медной и золотой руды. Для этого времени (II тыс. до н. э.) уже отмечается наличие патриархального рабства.

Дальнейшая история племен степной полосы Сибири современна скифам и сарматам Причерноморья. Изучение ее опровергло буржуазно-националистические теории об алтайской прародине финнов, скифов и т. п. Племена, сидевшие во II тысячел. в этих районах, оставались здесь и позднее, и лишь инфильтрация центральноазиатских элементов в начале н. э. стала изменять их первоначальный тип. Исследование их искусства, в котором одни видели прототип скифского, а другие—его окраинные наносные отголоски, показало его самостоятельность и генетическую связь с искусством предшествующего времени. В настоящее время настала пора уже дифференцированного рассмотрения так называемого «звериного стиля»; доказано, что он не вообще сибирский, но своеобразен для каждого района, отражая особенности в социальной жизни. Более прогрессирующий запад Сибири вряд ли в это время сильно отставал от скифских племен степей юго-востока Европы. Внутриродовые различия становились

здесь все более ощутимыми. Иной выглядит Минусинская котловина. Здесь задержалось применение железа, и бронзовая техника достигла небывалого расцвета. Здесь наряду с кочевничеством в это время возрождается земледелие на более высокой базе, ирригационное земледелие.

В последние века до н. э. уже во всех южных районах Сибири замечается возвышение родовой аристократии, явные признаки упадка старых родовых традиций. Наблюдается усиление военных столкновений, сопровождающихся известными перегруппировками населения. Семья становится теперь все более свободной от родовых ограничений. Эти внутренние изменения и влияние соседей (хунну и сарматов) изменяют внешний облик материальной культуры. Орнаментализм стремится пронизать все вещи изобразительного искусства, обстановку, одежду и т. п. Знатность, еще уживающаяся с родовым порядком, начинает пропагандировать свою исключительность: возникают огромные коруны—курганы с необычайно пышным ритуалом, сарматским—на западе, хуннским—на востоке. Рабство продолжает усиливаться. В половине I тысячелетия н. э. в ряде степных местностей Сев. Азии происходят крупнейшие перевороты. Родается классовое общество. Даже главы небольших племенных союзов стремятся стать эксплуататорами рабов и покоренных племен. Величайшее достижение эпохи—орхоно-енисейское письмо—пропагандирует исключительность прав новых господ на эксплуатацию и разорение своих сородичей. Анализ археологического материала доказывает родство культуры этой эпохи с предшествующей. Изучение своеобразия отдельных районов в археологическом отношении позволяет говорить здесь о конкретной истории отдельных племен и задаваться вопросом об их связи с исторически известным населением уже более позднего времени московского завоевания. Считавшиеся доселе неисторическими народы в социалистическую эпоху обретают не только свою блистательную новейшую историю, но и свое прошлое.

Северные, таежные районы Сибири развивались другими темпами и по-иному. Здесь долго царили архаические охотничье-рыболовецкие формы хозяйствования. Они консервировали старый неолитоидный быт, в который лишь случайно вкрапывались элементы достижений южных районов—отдельные металлургические изделия, иногда скотоводческие навыки. Особенно ярко это бросается в глаза на востоке, в Прибайкалье, в Приангарском крае и в Красноярском районе. Здесь бесспорно родовые отношения, открытые этнографами, представляют собой единственные исторически сложившиеся формы общественной жизни. Этого нельзя сказать о южных степных областях. И действительно, все этнографы, которые учитывали в последнее время археологические открытия, смогли более критически подойти к казавшемуся весьма идиллическим общественному укладу этих районов и открыть у считавшихся «родовичами»—тех же алтайцев, казахов, киргизов, хакасов—явное наличие эксплуататорских отношений, лишь замаскированных родовыми формами. Такое разоблачение, благодаря археологическим фактам, легенды буржуазной науки имело огромное значение, так как помогло правильно понять расстановку классовых сил в доколхозном улусе или ауле ряда народов Советской Сибири.

